

Виноградов, Шайжин, Ржановская, Дуров) будут представлены отдельными статьями в готовящемся в Центре русского фольклора двухтомном Биобиблиографическом словаре «Российские фольклористы».

С. М. Лойтер,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы историко-филологического факультета
КГПА*

ОБ ОДНОЙ ИЗ ИДЕЙ С. М. ЛОЙТЕР: ИГРА В СТРАНУ-МЕЧТУ И ФЭНТЕЗИ

В своих относительно недавних работах Софья Михайловна открыла и исследовала «новое явление современной детской мифологии» (Лойтер С. М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. С. 33), которое уже получило широкую известность, – игру в страну-мечту. «Речь идет, – подчеркивает С. М. Лойтер, – об играх, основанных на деятельности воображения», «деятельности фантазии», на «мечтательном воображении» (Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 137). Бросается в глаза несомненная близость подобного рода мечтательства художественным мирам литературных фантастических жанров. Однако, сравнивая игру в страну-мечту и произведения, созданные в жанре фэнтези, мы встречаемся не просто с близостью, обусловленной наличием в сравниваемых сферах игры и фантастики, а с довольно полным совпадением многих структурообразующих аспектов данных сфер. Это – книжность, сходные принципы локализации чудесного мира, его игровая модель и т. д. Совпадают даже частности. Непременный атрибут игры в страну-мечту – создание играющими карты утопической страны, документов, описывающих ее историю, государственную систему, социальное устройство. Такого рода «документы» непременно встречаются почти во всех романах-фэнтези.

Единственный момент в концепции С. М. Лойтер, который, как нам кажется, можно оспорить, связан со стремлением исследовательницы рассматривать игру в утопическую страну как игру-миф. Правда, и тут мы вновь наблюдаем сходство и даже родство с поэтикой фэнтези, которое многие фантастоведы считают мифологической. С одной стороны, и С. М. Лойтер, и фантастоведы правы – и игра в страну, и фэнтези охотно используют древний мифологический материал, сохраняют некоторые особенности мифологического восприятия мира. С другой же – имеется фундаментальное отличие мифа от игры (любимой!). Живой миф представляется человеку, живущему в этом мифе, реальностью, даже сверх-

реальностью, он в этом смысле бесконечен. Игра же всегда подразумевает некие рамки, границы, правила, за которыми она заканчивается. Из живого мифа выйти нельзя, из игры не только можно, но и нужно. Таким образом, открытие игры в страну-мечту не только дает важный материал для изучения современного детского фольклора и психологии ребенка, но и позволяет обнаружить новые аспекты генезиса, семантики и поэтики фантастических литературных жанров.

Е. М. Неёлов,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
русской литературы филологического факультета
ПетрГУ*

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПОМОРЬЯ В «СЛОВАРЕ ЖИВОГО ПОМОРСКОГО ЯЗЫКА В ЕГО БЫ- ТОВОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕ- НИИ» И. М. ДУРОВА

В научном архиве Карельского научного центра РАН хранится уникальная рукопись «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении», которую ее составитель краевед из Сумского Посада И. М. Дуров передал в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН (тогдашний Карельский научно-исследовательский институт) в 1934 году. В настоящее время рукопись готовится к печати. Восемь рукописных томов включая более 12 тыс. словарных статей, в которых представлена лексика, собранная автором словаря в начале XX века в селах Поморского берега Белого моря. Лексика собиралась по специальной академической программе. По характеру материала, принципам его подачи словарь Дурова входит в один ряд с широко известными «Словарем областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского и «Словарем областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого и должен был, по мысли автора, заполнить ту нишу, которая образовалась в лексикографическом описании северно-русских говоров после выхода их в свет. Словарь А. О. Подвысоцкого явно служил определенным образцом, что прослеживается в построении словарных статей, в толковании значения. Обращение к опыту Подвысоцкого понятно и логично: в словаре И. М. Дурова представлены говоры Поморского берега Белого моря, которые территориально примыкают с запада к ареалу архангельских говоров. Вместе с тем у поморского словаря свое лицо. Его автор – коренной житель Поморья, знаток говоров и культуры Поморья. Со страниц словаря предстают язык и жизнь поморов рубежа XIX – XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись

местные говоры и традиции поморской культуры, а с другой стороны, уже просматривались черты нового социалистического быта, установившегося в 1920-е годы.

Особенность словаря – это исключительное внимание к реалиям культуры и быта Поморья, что делает его ценным этнографическим источником. Если в традиционных диалектных словарях (например, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей») крещенская горка представлена расплывчато как ‘большое зимнее гулянье’, то у Дурова приводится замечательное детальное описание ее устройства и использования вплоть до градуса уклона, длины ската и даже стоимости билета. С такой же детальностью описаны детские игры (ст. Гусями играть), рыболовные принадлежности, особенности традиционной одежды (ст. Дельница). Приводятся сведения по народной медицине, приметы (ст. Ворон, Дождь), поверья (ст. Голик, Голова). В качестве иллюстраций использованы загадки (Долгий Макар по суметам скакал – кочерга), пословицы и поговорки (Мало де’ло ложка, была бы воложка), идиоматические выражения (Гурья спробовать ‘ничего не выловить’, двувесельная лодка ‘лыстец’). Из образцов фольклорных текстов привлекают внимание фрагменты обрядовых песен и причитаний, тексты заговоров, большое количество частушек.

Для понимания того, как складывалась историко-культурная зона Поморья, существенен анализ диалектной лексики с позиций ее истоков. Она содержит убедительные примеры новгородской традиции (грамота ‘письмо, записка’, лада ‘сердечный друг’, мытница ‘прачка’). В то же время заметный пласт материала – это слова с прибалтийско-финскими корнями, свидетельствующими не просто об активных контактах с карельским и, возможно, вепским населением, но и об обрусении (через этап двуязычия) прибалтийско-финских насельников края. На это указывает большое количество экспрессивных глаголов (варайдать, венгать, войдать, гомайдать, горайдать, гумайдать, гурайдать и т. д.), а также наличие языковых калек (например, обращение к детям дай носа значит ‘поздоровайся’ и восходит к карел. antoa n’okkoa, букв. ‘дать носа’, то есть потереться кончиками носов с ребенком в знак приветствия).

Будучи изданным, словарь И. М. Дурова не просто пополнит ряд диалектных словарей, но и будет востребованным и авторитетным источником по истории и культуре Поморья.

И. И. Муллонен,

доктор филологических наук, старший научный сотрудник, директор ИЯЛИ КарНЦ РАН

В. П. Кузнецова,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ КНИГ КАРЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Коллекция рукописных книг Карельского государственного краеведческого музея включает сегодня 65 единиц хранения (XVI–XX веков). В ее состав входят богослужебные (в том числе певческие) и литературные сборники, Зерцало духовное, Устав о христианском житии, Псалтирь простая и следованная, Требник, Триодь цветная, Златоуст годовой, Евангелие учительное, старообрядческие сочинения, синодико-помянники. Наиболее ранние рукописи: Псалтирь с воследованием в списке 1-й половины XVI века, вероятнее всего, северного происхождения, поскольку в следованную часть входят тропарь и канон Александру Свирскому, и Триодь цветная в списке 2-й половины XVI века с продажной и вкладной записями 1589 года. Литературные сборники включают жития святых, древнерусские повести, апокрифы, выписки из Пролога, патериков и разнообразный другой материал. В музее имеются списки житий Варлаама Керетского, Трифона Печенгского, Петра и Февронии Муромских, Послания Василия Новгородского о рае, повестей о царе Аггее, о видении Антония Галичанина, о Тимофее Владимирском, о царице Динаре, о видении некоему мужу духовну Терентия и некоторые другие произведения древнерусской литературы. Интересна также писцовая запись 1720 года в одном из сборников, представляющая собой отрывок из былины о вражеском нашествии, типа «Илья Муромец и Калин-царь» и «Васька-пьяница и Кудреванко-царь». Ценность этого небольшого текста в том, что он является пока единственным свидетельством бытования былин на Курострове – на родине М. В. Ломоносова, когда ему было всего девять лет. Имеются в рукописном собрании музея и сочинения старообрядческих авторов: Поморские ответы, Пятая Соловецкая челобитная и другие. Сборник № 1324/3 составлен В. Д. Шапошниковым (1713–1783) – известным книжником старообрядческой Выговской поморской пустыни. Рукопись представляет собой сборник нравоучительных выписок (преимущественно из Священного Писания и Отцов Церкви), которые объединены в главы, расположенные по алфавиту. Неизвестное старообрядческое странническое сочинение входит в состав рукописного сборника середины XIX века № 25455. Оно начинается Исусовой молитвой и содержит выписки со ссылками на Евангелия и Апокалипсис с толкованиями, Апостол, Кормчую, сочинения Григория Богослова, Симеона Нового Богослова и многие другие книги. В тексте развиваются традиционные для страннической литературы темы бегства из мира, исповедания веры перед властями, принятия милостыни или отказа от нее. В музее хранится также уникальная подборка заонежских синодиков-помянников XVII–